

АННА и СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Красивая женщина умирает дважды

За его любимой
начинается
охота

Спецкор отдела расследований

Анна и Сергей Литвиновы

**Красивая женщина
умирает дважды**

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литвиновы А.

Красивая женщина умирает дважды / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2024 — (Спецкор отдела расследований)

ISBN 978-5-04-196675-1

Новый роман Анны и Сергея Литвиновых, известных соавторов в мире российской остросюжетной литературы, носит интригующее название «Красивая женщина умирает дважды». Он безусловно займет достойное место среди их произведений. Закрученная интрига, понятные и близкие читателю персонажи, современные проблемы — вот секрет успеха хорошего детектива за авторством Литвиновых. Следствие вновь ведут хорошие известные читателям по романам и телесериалам герои — журналист Дима Полуянов и его верная подруга, библиотекарь Надя Митрофанова. И на этот раз их ждет нечто невероятное...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-196675-1

© Литвиновы А., 2024
© Эксмо, 2024

Анна и Сергей Литвиновы

Красивая женщина умирает дважды

© Литвинова А. В., Литвинов С. В., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Пики елей щетинились, подступали к самому берегу. Монахово озеро раскинулось почти в чаще, дороги к нему нет – только еле видная тропинка пробирается сквозь крапиву. Песчаный пляж узкий, вода ледяная. Но когда настроение поганое, не придумаешь лучше места, чтобы успокоить нервы.

Нинка, пока шла, вся бурлила от злости. А увидела безмятежную гладь воды – и сразу отпускать начало.

Да еще и народу совсем никого: день будний, обычным людям отдыхать некогда. А у нее законные основания – отпуск декретный.

Нина скинула платье. Потянулась сладко. Неторопливо светлые волосы в косу собрала. Посщекотала себе соски. Отставила ногу. Долго разглядывала то ли прыщ, то ли пятнышко на бедре. Потом устроилась на песочке, лицо солнцу подставила.

Хорошо, когда весь пляж тебе принадлежит!

И вдруг – как сглазила – из леса выходит мужик. Как только подкрался – ни одна веточка не хрустнула, и птицы не встревожились. Нинка смутилась, перепугалась. Схватила платье, в рукава не попадает. Дядька – немолодой уже, волосы седые – на нее вылупился. Одет как грибник, но корзинки в руках нету. Да и какие сейчас грибы – только сыроежки редкие.

Нинка прикрылась платьем, выкрикнула грозно:

– Пошел отсюда вон!

А он, наоборот, – к ней все ближе. Подходит, улыбается нехорошо. И вдруг со всей силы по щеке ударил.

Охнула, отлетела на песок.

А у мужика в руке нож. Будто сам собой появился. Размахнулся, полоснул по горлу. Не сильно, но фонтанчик маленький брызнул. Собрала последние силы, закричала отчаянно.

Надеялась: услышат, придут на помощь.

Страшный дядька тоже отстранился, вскочил.

Нинка встать не могла, голова кружилась. Но ползла почти в бессознательном состоянии прочь с пляжа. Крика уже не выходило – только шепот. «Помоги! Помоги!»

Ее накрыла тишина, даже птицы умолкли.

«Неужели ушел?!» – металось отчаянное в голове.

Доползла до камышей, попробовала встать.

И тут ее настиг новый удар.

* * *

Гаврила давно думал, как наладить эффективный и безопасный сбыт. Это в их деле самое сложное.

Крупные магазины действовали через даркнет. Кастинги проводили, поступивших быстро обучали, как сделать грамотный прикол и куда лучше магниты цеплять. Прошедших отбор активно мотивировали, чтобы крутились максимально. За изобретательность – денежные премии. Если больше двух тысяч кладов в месяц, вообще машину обещали.

Но Гаврила считал: когда большой охват, риск возрастает многократно. И норма в семьдесят «точек» в день теоретически выполнима, но на качестве работы скажется отрицательно. Каждый раз ведь надо и смекалку проявить, и оглядеться, и внешним видом своим подозрений не вызывать.

Лично он через Интернет исполнителей вообще не искал. Агентов безопасней набирать лично. В глаза посмотреть, прокачать сразу на жадность, глупость. Паспорта «пробить». И лишь потом выпускать на дело.

Идеальным кладменом в их деле считаются подростки, однако Гаврила с малолетками дела вести не любил. Ненадежный народ, безответственный. Выпить любят «для храбрости», а на пьяную голову подставиться легче легкого. Он предпочитал: пусть меньше, да лучше. И чтоб исполнитель совсем никаких подозрений не вызывал. Поэтому сеть свою сплел из сотрудников совсем нетипичных. И очень своим ноу-хау гордился.

Единственная сложность – вечные перепады настроения и капризы. Но к этому он привык. Что поделаешь: специфика особенного женского коллектива.

* * *

Надюшка редко Диму о чем-то просила.

Но если чего захотела – попробуй не исполни.

Зима в этом году выдалась тусклая, мрачная. Вместо снега – ледяной дождь, солнца нет. Вот Митрофанова и начала еще в ноябре мечтать про «настоящее новогоднее чудо».

То бишь на балет «Щелкунчик» сходить. Нет бы в демократичные «Стасик» или в Кремлевский дворец – именно в Главный театр. Еще и в праздничный вечер тридцать первого декабря.

Официальные дни продаж Дима прощелкал. Да и не настолько был готов исполнять капризы любимой, чтоб почти сутки в очереди толкаться, на переключки приходить. Вариант через спекулянтов – с переплатой в тысячу процентов – тоже сразу отменил. Многочисленные нужные знакомые охотно предлагали «Ленком», Театр наций и даже «Спартак» в Большом, но в ответ на просьбу о новогоднем «Щелкунчике» только разводили руками. А Митрофанова (капризная она стала в последнее время) грустно зудела; вот опять праздничная ночь будет такая, как в прошлом году и позапрошлом. Она даже новый вариант оливье не станет придумывать – приготовит самый простецкий, с вареной курицей.

Диме очень хотелось, чтобы в глазах у подружки зажглись счастливые искры, поэтому охотиться продолжал. Сайт Главного театра теперь всегда открытым держал – в фоновом режиме. Несколько раз в час заглядывал – и иногда шальные лишние билеты там показывались. Но мигом улетали – даже в корзину положить не успевал.

Сегодня сидел в редакции, в своем кабинетике. Кропал очередной шедевр, как добрые люди лося спасали – бестолковый вышел на тонкий лед водохранилища и провалился под воду. Текст шел трудно, со скрипом (надоела уже до смерти беззубая журналистика). То и дело отвлекался, открывал театральный сайт – не зажжется ли вместо унылого «билетов нет» заветная синяя плашечка с надписью «Выбрать места»?

В пять вечера удалось выловить два кресла на третьем ярусе. Но едва схватил паспорт вбивать данные (билеты строго именные) – в корзине уже пусто. Спекулянты перехватили.

Ладно. Сам виноват. Надо было предусмотреть.

Выписал номер своего и Надькиного документа на отдельный листок, положил рядом с компьютером. Продолжил живописать, как сохатого и едой приманивали, и ремнями тянули. Параллельно думал над заголовком (в голове пока что вертелась абсолютно идиотская фраза: «Милый лось, топиться брось»). Даже воевать с сайтом Главного театра и то казалось интереснее.

В шесть вечера экран снова радостно подмигнул: билеты в продаже! Яростно кликнул на «купить» – и вдруг из коридора вопль:

– Дмитрий!

Голос отчаянный, женский. Топот ног, возня. Мужской неразборчивый бубнеж.

В любой иной ситуации мигом бы выскочил посмотреть, в чем дело. Но сейчас не шелохнулся. Вбил данные паспортов, нажал «оплатить». Ура – открылась платежная страница. Значит, билеты по-прежнему в корзине. Руки подрагивали – это надо настолько разволноваться из-за театра!

Ввел данные карты, выдохнул – заказ оплачен. Партер, седьмой ряд, середина. А в коридоре по-прежнему суета. Женский голос молит, мужик в ответ отвечает агрессивно. Прежде чем выглянуть, Дима убедился: билеты реально у него, пришли на электронную почту.

Лишь тогда он открыл дверь. Батюшки! Охранник (бестолковый бугай, что вход в редакцию охраняет) по коридору женщину волочет. Та упирается, пытается пнуть, укусить. Зрителей никого – в предпраздничный день сотрудники на работе не задерживаются.

Женщина углядела его, узнала, воспрянула:

– Дмитрий! Спасите меня!

– В чем дело? – кинулся он к охраннику.

– Да охренела совсем! – пропыхтел тот. – К тебе рвалась, я не пустил. Так она под турникетом пролезла. Сейчас ее в полицию сдам!

– Чего мне-то не позвонил? – нахмурился Дима.

– Так набирал сто раз! И я, и она!

Только сейчас Полуянов вспомнил: сам и выдернул служебный аппарат из розетки, чтоб не мешали работать над текстом. А главное, охотиться на билеты.

– Отпусти ее, – велел охраннику.

Некрасиво получилось. Женщина в возрасте, на вид не сумасшедшая. И глаза заплаканы.

– Приношу свои извинения, – произнес он виновато. На ретивого служителя цыкнул: – Сгинь!

– Мне ее паспортные данные нужны!

– Скажу тебе потом.

Провел посетительницу в кабинет. Быстренько закрыл сайт театра (билетами там уже и не пахло). Предложил:

– Чаю? Кофе?

– Ничего мне не надо, – всхлипнула женщина и сложила руки в умоляющем жесте, – я за шестьсот километров к вам приехала. Горе у меня. Помочь некому. Вы – последняя надежда.

* * *

Соседи ее сына с детства прикладывали: шизанутый. Вел себя мальчик, и правда, не как другие дети. Обычные-то озоровали, яблоки тырили по соседским дворам. А Паша лет с пяти всюду таскался с фотоаппаратом. Тогда у них еще старенькая «мыльница» была, и к любым праздникам сынок просил лишь одно: купить ему побольше фотопленки. Поначалу в кадр попадало стандартное: закаты, интерьеры, коты, собаки. Случайные прохожие, детишки из их поселка. Она сама. Но щелкать все подряд очень скоро перестал. Тратил по много кадров, чтоб передать одиночество израненного кленового листка на осеннем ветру. Или печаль в глазах у соседки – старухи, что пережила войну и сейчас тяжело болела.

Елену Юрьевну настораживало: почему сына тянет *к грустному*? Мальчик и сказки не любил – предпочитал страшилки о мертвецах или ведьмах. На детских праздниках никогда в общей толпе не веселился, забивался в уголок, сидел в одиночестве.

Она даже к психиатру в райцентр ребенка таскала, но врач (меланхоличный пожилой дядька) принял сторону Павла. Сказал назидательно:

– С головой у него все в порядке. А по поводу творческих предпочтений я так скажу: счастье – оно всегда одинаковое и глупое. Зато в горе – много неожиданных, ярких граней. Так что пусть фотографирует, что хочет, не подрезайте ребенку крылья.

Мальчик рос, продолжал увлекаться фотографией, и оптимизма в его работах не прибавлялось. То на кладбище с фотоаппаратом болтается, то на руинах соседского сгоревшего дома. Снимает в деталях покосившийся могильный крест или почернелую балку.

Елена Юрьевна пыталась сына переубедить:

– Кому твоя тоска нужна? Фотограф людей радовать должен!

Но Паша только отмахивался:

– А я на свадьбах снимать не хочу.

Поступил в институт (самый простой – только чтобы в армию не забрали) и продолжал все свободное время тратить на поиски трагических ракурсов.

Мрачные его снимки, вопреки прогнозам мамы, имели определенный успех. В социальных сетях – изрядно подписчиков, цикл «После аварии» премию получил. И клиенты появились. Паша оборудовал в доме студию, и туда частенько являлись ярко накрашенные девицы. Для них он делал красивые студийные снимки. Но фотографировать за деньги ему не слишком нравилось. Куда более счастливым выглядел, когда приводил в дом моделей, несомненно, бесплатных – жутких бомжих. Одноногую цыганку. Бедно одетую толстуху, всю в пятнах вителиго.

Елена Юрьевна асоциальных гостей не выгоняла, но всегда была начеку: чтоб из студии ни ногой и ничего стырить не попробовали. Как сын из дома – обязательно в фотографической комнате тщательная уборка с хлоркой.

В начале лета Пашка привел в дом совсем девчонку. Тощая, как олененок, глаза голодные. Да еще беременная.

Елена Юрьевна с неприятными моделями сына старалась не общаться, но тут не удержалась. Когда столкнулись во дворе, спросила строго:

– Сколько лет тебе?

– Семнадцать! – пропищала та.

– А беременна от кого?

– Та не знаю, – отозвалась беспечно. – Я с двоими встречалась. Только оба сбежали все равно!

Звали юную гуляку, как ее саму – Леной. И в отличие от разовых гостей она в их дом зачастила. Пашка (мать подглядывала) в каком только виде ее не снимал! В алом покрывале. С руками связанными. Или вовсе голую.

– Ты, что ли, влюблен? – пыталась мать.

Сын усмехался:

– С ума сошла? Ленка просто очень фотогенична.

Елена Юрьевна стала по своим каналам справки наводить и выяснила: девчонка из соседнего поселка, Грушевки. Семья неблагополучная: отец в тюрьме, мать пьет. Но больше всего беспокоило: обычно-то модели единственный раз в их доме появлялись, а потом исчезали навсегда. А Ленка чуть ни каждый день заходила. Да еще, нахалка эдакая, пыталась в их жизни участвовать. То сорняки возьмется пропалывать, то Пашку уговорила вешалку в коридоре переставить.

– Не от тебя ли она беременная? – спросила однажды Елена Юрьевна.

Сын поперхнулся:

– Матушка! Не путайте, пожалуйста, сексуальную привлекательность и творческий интерес.

Елена Юрьевна, и правда, сколько ни присматривалась, никогда не замечала, чтоб ворковал с юной гостьей или хотя бы обнял. На ночь девица в их доме тоже не оставалась. Приезжала всегда днем (когда лучше свет). И домой (даже если заканчивали съемки в сумерках) Паша сроду ее не провожал – Ленка топала в свою Грушевку одна через лесок в любую погоду.

Однажды (мать подслушала) юница взялась ее сыночка жизни учить. Слова говорила, в принципе, правильные. С его талантом, мол, огромную денюгу можно зашибать, а он, дурак, на глупости время тратит. Если она сама подобные разговоры заводила, Пашка сходу обрывал. Но Ленке взялся объяснять, да как по-глупому! Миссионер он, вот как. Ты, мол, своей красоты не видишь, а я ее всем показать пытаюсь.

Ясное дело, девица в его словах совсем другое услышала, и Пашу с удвоенной энергией обхаживать начала. Юбки еще короче, взгляды все более соблазнительные. Пирожков самолепных кривобоких притащила (Елена Юрьевна их собаке отдала).

– Не покупайся! – убеждала она сына.

Пашка заверял:

– Не бойсь. Я просто ее наблюдаю. Как забавную зверушку.

Соседи, впрочем, другое видели. Маркеловна из дома напротив даже предрекла:

– Смотри: будешь дите чужое, нагулянное растить.

Но до счастливой (да и вообще никакой) семейной жизни дело не дошло.

Солнечным осенним вечером двадцать третьего сентября Ленка тщетно попыталась набиться на ужин, однако Паша отправил ее домой.

А утром в леске, чуть в стороне от дороги на Грушевку, нашли ее истерзанное тело. Двадцать пять ножевых.

В убийстве обвинили Пашку.

* * *

Подумать только: мать того самого Климентьева!

Дима о деле фотографа из поселка Боровое Брянской области знал.

Было оно на слуху благодаря бывшей его практикантке, Ксюше Кременской из газеты «ХХL». Прочие средства массовой информации про убийство скромно в криминальной хронике упомянули, а Ксюша подняла дикий хайп. И на всю страну объявила Павла маньяком.

Недальновидные коллеги, а за ними и блогеры громкую версию с удовольствием поддержали. Хотя маньяк – это всегда серия, а убийство случилось одно.

Но Ксюша под свои обвинения постаралась – как могла – подвести научную базу.

Съездила в поселок Боровое, где жил Климентьев. Покрутилась вокруг дома, поболтала с соседями и громынула в своей газетенке версией: *предположительно* (любимое ее словечко, ибо убедительных доказательств девушка представить никогда не могла) жертв Павла было больше.

Поселок маленький – любой, кто из рамок выбивается, здесь словно для быка красная тряпка. Местные горячо осуждали страсть Павла приглашать для съемок асоциальных личностей. Видно, и пустил кто-то слух, будто он своих моделей после фотосессии убивает. Кто, мол, станет искать цыганку или бомжа? А у Климентьевых свой дом, огород, тела можно там закопать.

Ксюша версию с удовольствием растиражировала.

Статья ее собрала массу комментариев. Никаких новых обвинений Павлу, впрочем, не предъявили. Действительно, глупость: трупы на собственном участке прятать.

Горе-журналистка выждала: не подадут ли Климентьев или его родственники в суд за клевету? А когда иска не последовало и хайп слегка утих, разразилась новой теорией: Павел, оказывается, не просто бомжей убивал, а исключительно беременных, не устроенных в жизни

женщин. Причем охотился за ними по всей стране. Так что следствию обязательно надо проверить его причастность к подобным преступлениям.

И снова – тысячи просмотров, лайки и гневное, горячее обсуждение. А Пашина семья опять промолчала.

«Не до того нам было», – сказала Диме несчастная мать.

Полуянов с нынешними своими практикантами дело Климентьева разбирал. Историю криминалистики рассказывал. Маньяков в мире действительно немало, но среди множества серийных убийц по всей планете не имелось ни одного, кто в жертвы выбирал исключительно беременных.

Дама в положении редко бывает предметом вожделения. Да и будущая мать обычно неприкосновенна – даже для человека с извращенной психикой.

Да, беременных иногда убивают, но – в запале, из ревности. Или (если совсем отморозки) из корыстных побуждений.

По версии следствия, Климентьев тоже убил в запале ссоры. В его собственноручно написанном признании значилось: *«Елена стала кричать, что напишет заявление. Обвинит меня в том, что я ее бил, принуждал к сожителству. Говорила, что я ничтожество, она меня ненавидит. На меня накатила ярость, я ударил ее один раз, а потом ничего не помню. Когда пришел в себя, понял, что она мертва. Испугался и решил спрятать тело».*

Мать осужденного утверждала: признание сын написал под жестким давлением.

– В полиции его били, спать не давали. Но Пашенька держался. А потом ему пригрозили: что меня убьют, дом сожгут, если признание не подпишет. Тогда он и сдался...

– Какие-то еще доказательства у следствия имелись?

– Волокна ее одежды на его джинсах. Но это ерунда, Ленка ведь у нас дома бывала, они общались. А самое главное: в лесу его видели. Примерно в то время, когда девушку убили.

– Он там действительно был?

– Да, – тяжело вздохнула мать. И убежденно добавила: – Подставили Пашеньку! Подло подставили!

* * *

Ленку Павел никогда не провожал – много чести. Тем вечером вообще еле дождался, пока уйдет. Права мать: *слишком многое* стало. Да и он зря нарушил принцип, что модель нужно снимать единственный раз. Но Ленка, зараза, фактурная оказалась, фотогеничная. Все его замыслы принимала с восторгом, гонорара, как иные ушлые бомжи, не требовала. На смешные ее попытки пококотничать, к себе привязать внимания не обращал. Где она и где он? Не рассчитывает ведь всерьез, что свою жизнь с ней свяжет?

Тем вечером Ленка в очередной раз попыталась навязать им за ужином свое общество, но приглашения не дождалась и ушла, как обычно, примерно в семь пятнадцать. А без двадцати восемь, когда покончили с едой и мать отправилась на кухню заваривать чай, от нее сообщение:

«Паша, мне плохо! Голова очень кружится! Идти вообще не могу!»

Он про себя чертыхнулся – с какой стати должен решать чужие проблемы?

Но уже начало смеркаться. От Борового до Грушевки через лес – четыре километра. И обратиться Ленке больше не к кому. Подружек не имела, мамаше тоже не до нее.

Набрал номер – не отвечает. Вот дура-то!

Отпечатал:

«Ты где?»

«На поле! У трех дубов!» – прилетело сообщение.

«Чего трубку не берешь?»

«Звонки срываются».

Место знал – примерно на полпути. Лес там как раз расступался, и мобильная связь ловила, но плохо.

«Вызывай «Скорую».

«Не поедут они!»

Это да. На весь район три машины, да и чтоб по лесу проехать, внедорожник нужен.

А Ленка нагнетает:

«Мне прямо совсем плохо, все качается и в груди давит. Пожалуйста! Помогите!»

Ну, нельзя совсем сволочью быть. Чая ждать не стал, сорвался. Матери ничего не сказал – она и без того Ленку терпеть не может. До поляны быстрым шагом добрался за двадцать минут. По пути встретил соседку, Маркеловну. Та со стороны Грушевки топала. Поздоровались. Он еще спросил:

– Вы Ленку у трех дубов не видели?

Старуха округлила глаза:

– Нет! А че вы там-то встречаетесь?

Объяснять ничего не стал.

Ленки на поляне действительно не оказалось. Достал телефон, позвонил – абонент не в сети. Не дождалась его? Отправилась домой? Но тогда б Маркеловна доложила, что по пути ее встретила.

О страшном даже не помыслил. Наоборот: злость накатила. Издевается, что ли, девица? Вызвала в лес, а потом сбежала? Может, дойти до Грушевки и высказать все, что думает? Но осознал: даже не знает, где она там живет. А выяснять, прохожих расспрашивать – много чести.

Развернулся, пошел домой. Ленкин номер, впрочем, несколько раз за вечер набирал – аппарат оставался выключен. Будь действительно любимая женщина, стал бы волноваться, искать, в больницу звонить. Но Ленка для него всего лишь хорошая фотомодель. Поэтому выкинул из головы и спокойно лег спать.

А уже утром за ним пришли.

* * *

Ленкин плохонький телефончик нашли при ней и, конечно, сразу обратили внимание на переписку с Павлом. А также на его неотвеченные вызовы – последний он сделал в районе десяти вечера.

У фотографа потребовали объяснений. Он рассказал, как было. Оперативники, следовательно напирали:

– И вы не забеспокоились? Не попытались узнать, что с ней случилось? Не попробовали ее найти?

Парень отбивался:

– Да с какой стати? Она мне не девушка, никто. Помочь попросила – я пошел. А когда ее на поляне не оказалось – разозлился только. Решил: разыгрывает.

– Молодая женщина попросила у вас помощи. На закате в глухом лесу. Вы ее не нашли – и спокойно отправились спать?

– Я думал, дурака валяет!

Время смерти с точностью до минуты установить невозможно, но, по заключению экспертов, убили Елену, вероятней всего, в промежутке с 19.40 до 20.20.

Место, где конкретно она погибла, обнаружить не смогли.

Труп, слегка присыпанный еловыми ветками, нашли в неглубоком овражке – примерно на полпути в Грушевку, в двухстах метрах от поляны.

Адвокат полагал: Елена действительно звала Павла на помощь. Но пока он шел, встретила на поляне кого-то. Доверилась ему. И отправилась с ним – навстречу гибели.

Сам Климентьев считал по-другому. И даже пытался следователя убедить: Ленка – девчонка еле грамотная, девять классов с трудом окончила. А в сообщениях – ни единой ошибки. Да и вообще не ее стиль – эсэмэски строчить. Может, тот, кто убил, сообщения с ее телефона и отправлял? Уже после ее смерти?

Но следователь был уверен: никакого загадочного человека не существовало вовсе. Подсудимый сам писал сообщения с телефона Елены, чтобы отвести от себя подозрения.

Да и Маркеловна клялась: посторонних она на своем пути из Грушевки не встретила. Опрошенные жители обоих поселков тоже не заметили никого подозрительного.

А Павел и собственноручное на предварительном следствии подписал, и мотивы у него имелись, и возможность.

Дело передали в суд.

Но Елена Юрьевна продолжала считать: сын не убивал.

* * *

Дима крепко задумался.

Ксюшина версия, будто Павел по всей стране за беременными охотился – полная чушь, конечно.

Но убил ли он Елену?

Судебных ошибок объективно в стране меньше, чем во времена, когда Чикатило орудовал и первого подходящего могли за его творения в тюрьму отправить и даже расстрелять.

Но и сейчас случается: улики серьезные, собственноручное признание подписано, а в тюрьме – невиновный.

Дима сразу вспомнил похожий случай из личного опыта. Давно дело было – семь лет назад. Журналист верил: осудили несправедливо. Много времени убил, в командировки мотался, свидетелей опрашивал, целую папку материалов собрал. Человек, впрочем, так и остался отбывать свой срок.

А в деле Климентьева доказательная база выглядела еще более крепкой, почти непробиваемой.

Но эта грустная женщина настолько не походила на мать убийцы!

Да и по тому, что рассказала, не очень годился фотограф с причудами на роль жестокого истязателя.

Может, взяться? И человеку попробовать помочь, и отвлечься наконец от лосей, щенков, котят и манула Тимофея из московского зоопарка?

Плюс повод будет продолжить разговор с практикантами на примере уже знакомого им дела.

Поэтому Дима осторожно сказал:

– Обещать ничего не могу. Но разобраться попробую.

– Я заплачу! Любые деньги!

– Прекратите, пожалуйста. Вам есть где в Москве остановиться?

– Да... Сестра в Ногинске.

– Ну, езжайте с богом. Документы все оставляйте, ваш номер телефона. С наступающим Новым годом! Пусть он принесет справедливость и счастье.

Елена Юрьевна снова заплакала. Дима хлопотал, подавал воду, гладил успокаивающе по плечу. И виновато думал: «Мы-то с Надькой завтра в Главный театр на «Щелкунчика» идем. А ее сын будет в тюрьме Новый год встречать».

Хотя, может, и за дело. Матери всегда в невиновность детей верят до последнего. А сами подследственные охотно им головы дурят и на жалость бьют, чтоб передачи почаще-побольше.

* * *

Что в Надюшке хорошо: даже если дулась, хозяйственными обязанностями не манкировала. Вот и сегодня (хотя сама тоже после работы) уставшего после трудов праведных Диму ждали и салат, и любимые отбивные. Подружка, румяная от готовки, в коротком халатике тоже выглядела весьма соблазнительно, а когда представлял, как билетам обрадуется, аппетит совсем небывало разыгрывался.

Новость выкладывать не спешил. Смирненно выслушал Надькины стенания, что Новый год завтра, икра в магазинах страшно дорогая, и вообще настроения никакого. Попенял:

– Ворчливой каргой становишься!

– А, надоело все, – отмахнулась она. – Завтра даже курантов не буду ждать, сразу спать лягу.

– И на «Щелкунчика» не пойдешь? – спросил вкрадчиво.

– Ты, что ли, купил?

– Ага. На «Авито». По сто пятьдесят тысяч билет.

– Издеваешься?

– Нет. Все ради тебя, любимая.

– Дима, ты обалдел! Триста тысяч?! В Таиланд можно было слетать!

– Да ну, банально. Новый год под пальмой. То ли дело – Главный театр! «Щелкунчик»!

Подхватил Надюшку, закружил. Подруга, конечно, тяжеловата – только пару кругов осилил. Шепнул:

– На сайте я билеты поймал. По госцене. Самый блатной седьмой ряд.

– Ди-има!

– Как дурак. По приказу твоему больше месяца охотился. Настоящий квест – успел схватить места за доли секунды, иначе бы улетели.

– Ди-има!

Глаза, как и ждал, засверкали.

Благодарный поцелуй – и затащить подругу в кровать.

Но Надюшка неожиданно отстранилась, схватила за голову.

– Ди-има! Но зачем было брать партер?!

– Уж что было! Но ты не волнуйся. В сравнении с ценами спекулянтов – очень получилось бюджетно.

– Я не хочу туда!

– Почему?!

– В партере один бомонд! Все расфуфыренные будут! А мне совсем нечего надеть!!! Лучше б где-нибудь на ярусе взял!

Ох уж эти женщины. Никогда им не угодишь.

* * *

Забеременеть, когда старшему ребенку только восемь месяцев, надо очень постараться. Но Полина смогла. Хотя врач предупреждала, что надо предохраняться, свекровь заверила:

– Чушь. Покадела не вернулись, новых детей не будет.

Муж и рад – он средства защиты терпеть не мог, обзывал «противогазами».

Вот и получили.

Полина хотела избавиться, а свекровь, зараза, начала причитать:

– Нельзя, раз бог дал!

Супруг подхватил:

– Да ладно, Польша, ничего. Прокормим.

Легко говорить – беременным-то ходить не ему. Да *икормил* семью, прямо скажем, довольно скудно.

Но против воли родни Полина идти не осмелилась. Хотя реально непонятно: как она дальше станет справляться? Сейчас тяжело – один ревет, второй в животе пинается. А когда на два голоса начнут завывать?

Молоко, с тех пор как второй младенец обозначился, на вкус стало мерзкое – Полина сама попробовала, убедилась. Маленькому тоже не нравится – плачет, плюется. Но свекруха упрямая смеси покупать не разрешала – ребенку, мол, натуральная пища нужна. А как пить-то его, если горькое?

Однако на открытый бунт Полина не решалась. Грудное украдкой сцеживала, питание на молочной кухне получала бесплатно. В ее комнату свекруха вечно без стука врывается, так что хитрить приходилось на улице. Шла вроде как гулять, уходила с коляской подальше в парк. Готовую смесь ей сердобольная сотрудница выдавала подогретой.

Поля где-нибудь в укромном месте находила скамеечку. Давала малышу бутылочку, а сама украдкой (будто что противозаконное творила!) доставала молокоотсос. Холодно, неудобно, но все равно лучше, чем с мужниной матушкой собачиться.

А так всем хорошо. Свекровь еще и хвалила:

– Молодец, что много гуляешь с маленьким. Он спит потом хорошо.

Еще б не дрыхнуть – не горечь, а вкусенького попил!

Бутылку, в которую свое сцеживала, Полина обычно сразу опорожняла. Но, когда в канун Нового года гуляла, задумалась (в голове вертелись бесконечные варианты салатов), забыла, машинально бросила в коляску. И вспомнила про «улику», только когда из парка выходила. Достала, начала поспешно выливать молоко – а тут вдруг дядечка подваливает. Солидный такой, седой, в пальто благородном клетчатом. Говорит строго:

– Ты что, дочка, творишь?

– Ваше какое дело? – возмутилась Полина.

А тот еще суровее:

– Ты что это выкинула? Неужели грудное молоко?

– Чего вы пристали ко мне?!

– Бесхозяйственно!

– Вас не касается. Отстаньте.

Дед сразу сбавил тон, смотрит жалобно:

– Так я по всей Москве ищу, достать не могу!

Полина развеселилась:

– Зачем вам?!

– Катаракта у меня. Только оно и помогает!

Молодая мать хмыкнула:

– Чушь несете. Катаракту оперировать надо.

– Нельзя мне под нож. Сердце! А капель от этой хвори нет. Но добрые люди подсказали: молоко грудное поможет. Продай, будь человеком! Все равно выбрасываешь, а мне зрение спасет.

Полина задумалась. Дед мутный, конечно, но ей, что ли, жалко? Все равно выливает. Спросила осторожно:

– А сколько платить готовы?

– Десять тысяч.

– За бутылочку?!

Неплохие деньги – особенно, когда Новый год на носу. Купила б подарок себе лично, а то муж со свекровью вечно ей презентовали сковородки и прочие полезные в хозяйстве, но скучнейшие предметы.

А дед смотрит значительно:

– Десять тысяч за сеанс.

– Какой-то такой сеанс? – опешила она.

– Ну, если в бутылке, продукт ценные свойства теряет. Молоко в глаз должно напрямую поступать. Из груди. Только тогда эффект.

Она пошла красными пятнами.

Вот извращенец проклятый!

А дед продолжает сладким голосом:

– Я тебе худого не сделаю. Можешь мужа с собой взять, чтоб охранял.

Полина даже дар речи потеряла на мгновение. А когда снова смогла говорить, заорала:

– Да пошел ты!

Схватила коляску, заторопилась прочь.

Дед не отстал – рядом плетется, причитает:

– Ну, пожалуйста! Спаси! Я... я тебе по пятнадцать тысяч буду платить!

По счастью, впереди подростки идут, галдят. Полина крикнула во весь голос:

– Парни! Сигаретка есть?

Молодняк притормозил, заржал:

– А тебе не вредно, мамашка?

Но полезли, сердобольные, за куревом. Поля вместе с коляской затесалась в их толпу и даже, чтоб из роли не выходить, сделала пару затяжек омерзительным никотином.

Извращенец больше ее не преследовал, но Полине весь вечер даже дома было противно и страшно. И мидии в маринаде (свое фирменное новогоднее блюдо) она на нервной почве жестоко пересолила.

* * *

Тридцать первого декабря Юра Стокусов крепко принял на грудь. Новый год на подходе, а старый-то проводить надо как следует, чтоб не обиделся!

Машка притворялась, будто водки не хочет, но злющими глазюками так и зыркала. Завидовала – оно и понятно. Выпить всякому хочется, да и надоело ей давно с пузом таскаться. Но на то оно и бабье дело: детей вынашивать, мужика обхаживать. Тем более семью он обеспечивает, вчера получку принес и даже тринадцатую зарплату.

Машке, правда, все мало. Москвичка она у него, с фанаберией. На шубу норковую копит, квартиру трехкомнатную в ипотеку мечтает взять: тесно ей в «двушке» втроем, с отцом его парализованным. На все ради денег готова, непорядочная.

Юра только за стол присел – сразу грузить начала. Кран на кухне течет, хлеба в доме ни крошки.

– Так сходила б сама за хлебом! – упрекнул.

– Скользко! – заверещала. – Хочешь, чтоб я маленького потеряла?

– А ночами гулять нормально?

– Когда сухо, можно. А сегодня опасно – гололед!

– Ну, курьера тогда вызывай.

– Тебе, что ли, сложно? Все равно мимо магазина шел!

Как по нему, насчет хлеба в семье должна женщина думать. Даже если беременная. И если гололед. Но спорить не стал. Молча жажнул первую. Горло ожгло, хрустящий огурчик хрустнул, истек соком.

– Не чавкай! – снова придралась Машка.

– Закусь тогда порежь. Если хочешь, чтоб все культурно было, – сказал он миролюбиво.

– Надо дела сначала сделать по хозяйству, а потом водку жрать!

Больше пререкаться не стал. Сгрэб бутыль, стакан, банку с огурцами. Ушел с кухни в залу. Когда, наконец, закончится беременность Машкина, придирки ее бесконечные. Потом, правда, недосыпания начнутся, колики у младенца... Вот почему так нескладно! Еще год назад даже мечтать не мог: свобода, и женщина своя, и деньги какие-никакие. А случилось – и все равно не радостно.

Машка осталась на кухне, гремела остервенело посудой. Никакого ужина не захочется.

Хозяйничать подруга не умела, вечно у нее то масло брызнет, то картошка прижарится настолько, что сковородку выбрасывать. Вот и сейчас: что-то грохнуло, Машка визгливо ругнулась. Отставил со вздохом рюмку, выглянул. На полу – дуршлаг и брызги, подруга в слезах. Мыслимое ли дело – воду с пельменей без приключений слить не может! Да и вообще разве дело: к новогоднему столу покупные пельмени варить?

Молча подошел, поднял утварь, пол вытер. Но ей опять не так. Верещит:

– Тебе лишь бы пол чистый! А что у меня на душе – плевать!

Покорно спросил:

– Что твоей душеньке угодно? Говори.

– Кра-аба хочу. И та-апочки пушистые на Новый год.

Хоть тут угадал.

Достал с верхней полки шкафа коробку, протянул:

– Вот, держи. Дед Мороз уже приходил.

Обожала его Машка всякие волосатые помпончики, кофточки, шапки – чтоб на них обязательно шерсть дыбом стояла.

Скинула крышку, схватила обувку, повеселела:

– Ой, какие миленькие!

– А то, – сказал гордо. – Специально самые волосатые выбирал.

Но начала босой ногой в тапочку тыкать – сразу понурилась:

– Не лезет. Малы. Ты какой размер брал?

– Тридцать восьмой.

– Так у меня сейчас тридцать девятый! Потому что отеки! Я ведь тебе говорила!

Вспомнил смутно: действительно что-то чирикала.

Сказал примирительно:

– Ну, потом, значит, поносишь. Когда отеки пройдут.

– Так я сей-ча-ас хочу!

Тапочку отшвырнула, снова в слезы, лицо злое:

– А краб где?

– Машенька! Краб натуральный – целая тыща за банку. Я сейчас схожу в магазин, крабовых палочек тебе куплю. Самых лучших!

– Нет! Это суррогат! Мне настоящий нужен! Вот вечно ты: даже подарка нормального сделать не можешь!

Честное-благородное, лучше б в пивную пошел. Или где-нибудь на вокзале сообразить на троих со случайными мужиками!

– Машка, Новый год скоро. Можешь хоть праздник не портить?

– Да не нужен мне праздник! – выкрикнула. – И ты не нужен!

Бегом в коридор, рвет дрожащими руками с вешалки шапку, куртку. Надо бы остановить: поздно, действительно скользко, Новый год через несколько часов. Но ведь и он человек. В праздничную ночь добра хочется, уюта. А если не лелеют, не холят, хотя бы не трогайте. Дайте просто посидеть в тишине и спокойно прикончить бутылку.

Потом тысячу раз себя корил. Но кто подумать мог, что в благополучной, прошитой видеокамерами Москве случится такое? И Машку свою вздорную, но любимую и привычную он больше никогда не увидит?

* * *

На новогодний «Щелкунчик» в Главном театре собирается весь бомонд. Это Ксюша знала прекрасно и заранее начала капать главному редактору на мозг, что редакция должна оплатить ей билет.

– Да не вопрос, Кременская. Покупай, чек принеси. Потом бухгалтерия компенсирует.

Ксюша честно отправилась в кассу двадцать второго октября – в день начала продаж. И оказалась у разбитого корыта. Нужно было, видишь ли, накануне с вечера очередь занимать, утром какие-то браслеты получать, вход только по ним, иначе и внутрь не пускают. Попробовала с охранниками договориться – послали. А спекулянты просили втрое больше официальной цены, хотя на дворе только октябрь. И уговаривали: «Бери, в декабре гораздо дороже будет».

Кинула тогда клич по знакомым, на сайтах театральных вывесила объявления – но звонили ей только перекупщики. Или мошенники – предлагали «гостевое приглашение», а по факту – просто красиво распечатанную фальшивку.

Но попасть на «Щелкунчика» все равно надо. Хотя бы для того, чтоб в социальные сети выложить собственную фотографию на фоне раззолоченного партера. Так что пришлось покупать неудобное место в последнем ряду четвертого яруса. Тоже с переплатой, но всего несколько тысяч получилось, а не двести штук, как за бенуар просили.

Не видно, правда, ни черта. Впрочем, Ксюша на сцену и не смотрела. Разглядывала через бинокль понтовый партер, заносила в телефонную записную книжку громкие фамилии. Завидовала: дамы в вечерних платьях, на каблуках, при мужчинах эффектных. А она, как дура, ютится в каком-то курятнике.

Вот откуда, терзала себя, у тусовщицы, ее тезки, Ксюши, полмиллиона на ложу бенуара отдельную? Директорша музея сидит в партере за какие такие заслуги?

А когда увидела Полуянова и его ненавистную спутницу – вообще закипела от ярости. Седьмой ряд, черт возьми! Только официальная цена – двадцать тысяч за штуку, если у спекулянтов – вообще запредельно! И этот хмырь еще смел ее когда-то учить, что журналист должен быть честным? Ладно, зарплата у него в «Молодежных вестях» немаленькая. Но не будет ведь утверждать, что минимум ее треть спустил, чтоб свою глупую, толстую курицу порадовать?!

Подкрутила бинокль на максимальное увеличение, начала разглядывать Митрофанову. Корова сельская, одно слово! Юбочка по колено, на кофте брошечка. Волосы в пучок собрала, ну, просто отстой! А Дима, вместо того чтоб выбрать ее – юную, эффектную, стройную, – этой деревенщине руку на коленку положил. Что-то на ухо шепчет, а Надежда его еще смеет по руке программкой хлопать, мол, мешаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.